

Глава I Петербуржец

Родина Бродского

Иосиф Александрович Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде, в клинике профессора Тура на Выборгской стороне¹⁶. В православном календаре 24 мая празднуются дни святых Кирилла и Мефодия, создателей славянской грамоты, но выросший в ассимилированной еврейской семье поэт узнал об этом, только будучи взрослым, когда он

15 Подробнее всего эта точка зрения изложена в разговоре с Дэвидом Бетеа (*Интервью 2000*. С. 537–538). Высказывания Бродского на тему независимости искусства от условий существования близко напоминают то, что В. Б. Шкловский провозглашал в 1919 году в статье «"Улла, улла", марсиане!»: «Все авторы (с которыми Шкловский полемизирует. – Л. Л.) считают, что искусство есть одна из функций жизни. Получается так: положим, факты жизни будут рядом чисел, тогда явления в искусстве будут идти как логарифмы этих чисел. Но мы, футуристы, ведь вошли с новым знаменем: «Новая форма – рождает новое содержание». Ведь мы раскрепостили искусство от быта, который играет в творчестве лишь роль при заполнении форм и может быть даже изгнан совсем... Искусство всегда вольно от жизни и на цвете его никогда не отражался цвет флага над крепостью города» (*Шкловский В. Б.* Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990. С. 78–79). Бродский был хорошо знаком и с манифестом Шкловского, и с гневной на него реакцией идеологического официоза. Он, однако, не принимал философии искусства, питавшей теории русского формализма. Спор со мной о формализме он подытожил кратко: «Искусство не прием».

16 Бродский пишет об этом в неопубликованном мемуарном отрывке: «Я несколько раз расспрашивал мать и отца об этом дне, но они ничего толком не сказали. Я знаю только, что родился где-то на Выборгской стороне, в клинике профессора Тура. Мать говорила, что ею занимался сам профессор. Этот „профессор Тур“ и его одобрительные отзывы обо мне не оставляли меня всю жизнь» (РНБ. Ед. хр. 63. Л. 181). А. Ф. Тур (1894–1974) – известный русский врач-педиатр.

уже и так давно связал свою судьбу с «милой кириллицей». В стихах он вспоминал порой о том, что рожден под созвездием Близнецов (по представлениям астрологов, это предвещает склонность к «глубокому дуализму и гармонической двусмысленности»), но в быту чаще повторял народную поговорку: «В мае родиться – век маяться».

Петербург – самый северный из больших городов мира. Бродский всю жизнь боялся жары, летом его тянуло в северные края – с соснами, гранитом, мхом, серым небом и серой водой. Жить ему всегда хотелось в городе у большой реки или моря.

Когда началась война и отец ушел в армию, мать с годовалым сыном переехала из квартиры отца на углу Обводного канала и проспекта Газа (Старо-Петергофского) поближе к своей родне, в дом за Спасо-Преображенским собором. Там Бродские жили до 1955 года¹⁷. Когда Иосиф был уже подростком, переехали через площадь наискосок в «дом Мурузи». Большой доходный дом, изукрашенный в «мавританском» стиле, был построен по проекту архитектора А. К. Серебрякова для князя А. Д. Мурузи в 1874–1877 годах на участке, некогда принадлежавшем Н. П. Резанову, известному в русской истории своим роковым плаванием в Калифорнию в 1803 году. С 1890 года и до революции владельцем дома был генерал-лейтенант Рейн¹⁸. Бродский жил в описанных им позднее «полутора комнатах» до отъезда из России в 1972 году. Там же до конца своих дней оставались его родители. Из окна своей комнаты Иосиф с детства видел Спасо-Преображенский собор – сначала прямо перед окном, а после переезда в дом Мурузи, если посмотреть направо.

Выстроенный по проекту Земцова и Трезини в середине восемнадцатого века и перестроенный Стасовым в 1827–1829 годах, Спасо-Преображенский собор при советской власти оставался одним из немногих действующих храмов в Ленинграде. «Все детство я смотрел на его купола и кресты, на звонаря, на крестные ходы, на Пасхи, на заупокойные службы – сквозь окна, на факелы, на венки и жезлы центурионов, обильно украшавшие его белые стены, на легкий классический бордюры его карнизов», – вспоминал Бродский¹⁹. В садике у собора мать и бабушка учили его кататься на велосипеде. Ограда садика сделана из пушечных стволов, захваченных у турок в ходе победоносной войны 1828–1829 годов на Балканах²⁰. Стволы соединены толстыми чугунными цепями, «на которых самозабвенно раскачивались дети, наслаждаясь как опасностью свалиться на железные острия прутьев внизу [sic], так и скрежетом. Стоит ли говорить, что это было строго запрещено и церковный сторож постоянно прогонял нас. Надо ли объяснять, что ограда казалась гораздо интереснее, чем внутренность собора с его запахом ладана и куда более статичной деятельностью. „Видишь их? – спрашивает отец, указывая на тяжелые звенья цепи. – Что они напоминают тебе?“ Я второклассник, и я говорю: „Они похожи на восьмерки“. – „Правильно, – говорит он. – А ты знаешь, символом чего является восьмерка?“ – „Змеи?“ – „Почти. Это символ бесконечности“. – „Что это – бесконечность?“ – „Об этом спроси лучше там“, – говорит отец с усмешкой, пальцем показывая на собор»²¹.

В Преображенскую площадь, на которой вырос и жил Иосиф, упирается

17 Ул. Рылеева, д. 2/6, кв. 10, на третьем этаже (нумерация квартир была позднее изменена; РНБ. Ед. хр. 63. Л. 184). В другом месте Бродский говорит, что в дом Мурузи (Литейный, № 24/27, на углу Пестеля (Пантелеймоновской), кв. 28) семья переехала в 1952 г. (*Интервью 2000*. С. 413). В статье Д. Новикова «Об экономии мрамора. К литературной истории дома Мурузи» (Аврора. 1989. № 6) дана дата 1955 г. Более поздние даты, видимо, правильны, так как в 1954 и 1955 гг. Иосиф учился в школах Кировского района, поскольку у отца сохранялась прописка на углу Газа и Обводного, то есть, вероятно, еще до обмена комнат отца и матери на две комнаты вместе в доме Мурузи.

18 По брошюре А. Кобака, Л. Лурье «Дом Мурузи» (Л.: Товарищество «Свеча», 1990).

19 РНБ. Ед. хр. 63. Л. 190.

20 Бродский ошибочно полагал, что это трофеи Крымской войны (см. «Полторы комнаты». Гл. 34).

21 Бродский И. Полторы комнаты (перевод Д. Чекалова; СИБ-2. Т. V. С. 346).

Пантелеймоновская (Пестеля) улица. Начинается она от Фонтанки у Летнего сада, от моста с перилами, украшенными щитами Персея с ликом горгоны Медузы. В детской книжке Корней Чуковский пересказывал историю Персея. Вид Медузы с копной шевелящихся змей вместо волос был так страшен, что люди превращались в камень, едва взглянув на нее. Но Персей был не только храбр, но и хитёр. Он заставил Медузу взглянуть на ее собственное отражение в отполированном, как зеркало, щите. Мифы читаются в детстве как сказки: интересно, весело, страшно. С возрастом человек обнаруживает, что на самом деле мифы объясняют жизнь, подсказывают, что таится под ее поверхностью. «...На одном мосту чугунный лик Горгоны / казался в тех краях мне самым честным ликом» («Пятая годовщина», У), — будет вспоминать Бродский много лет спустя далеко от родного города²². К тому времени он уже будет писателем, и мотив бесстрашного зеркала, «зеркала Стендаля», станет постоянным в его стихах и прозе. К тому времени он уже будет знать, что другой петербургский поэт называл прекрасный город «болотной медузой»:

И плоть медузы облекла
Тяжеловесная порфира²³.

Но в раннем детстве все воспринимается как единственно возможный порядок вещей, и если на фасадах и перилах самого северного из больших европейских городов можно прочесть мифы Греции и Рима, то так оно и должно быть. Также не вызывает вопросов, почему христианский храм окружен стволами смертоносных пушек.

Если принять Преображенскую площадь за центр, то внутри круга, описываемого радиусом получасовой прогулки, оказываются Летний сад, Инженерный замок, Эрмитаж, Таврический сад, Смольный монастырь и почти все места, связанные со значительными событиями жизни Бродского – школы, где он учился, дома, где жили друзья, Дом писателей на Шпалерной, место его поэтических триумфов и источник интриг против него. А за Литейным мостом место его первой работы, завод «Арсенал», и второй – областная больница. Там же тюрьма «Кресты», где он сидел в 1964 году. Совсем рядом с домом, в двух кварталах, внутренняя тюрьма ленинградского управления Комитета госбезопасности, где он провел два дня после второго ареста в 1962 году. Еще ближе сам «Большой дом», откуда за поэтом шпионили.

Этот ареал даже в Петербурге выделяется богатством своей культурной истории. Родной была Пантелеймоновская улица и ее окружение. В доме № 5 на Пантелеймоновской, где жил друг Бродского поэт Владимир Уфлянд, в 1833–1834 годах снимал квартиру Пушкин. Бродский цитировал²⁴ из письма Пушкина жене: «Летний сад – мой огород. Я вставши ото сна иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем. Читаю и пишу. Я в нем дома».

В доме на углу Пантелеймоновской и Литейного, где Бродский прожил две трети своей российской жизни, до него квартировали А. А. Пушкин, старший сын поэта, и Н. С. Лесков (в 1879 году). З. Н. Гиппиус с Д. С. Мережковским и Д. В. Философовым жили там с 1899 до 1913 года. В их квартире собиралось Религиозно-философское общество, у них часто бывал

22 Зеркальность у Бродского – это главное свойство океана и рек, отражающих Время («Набережная неисцелимых»). Петербург – зеркало Европы, а не «окно в Европу» («Путеводитель по переименованному городу»). Он также город-Нарцисс, заглядевшийся на свое отражение (там же и «Полдень в комнате», У). Зеркало – граница жизни и смерти: «в конце пути / зеркало, чтоб войти» («Торс», ЧР). Будущее (и прошлое): «В будущем, суть в амальгаме, суть / в отраженном вчера...» («Полдень в комнате», У). Зеркало – это я сам: «Как хорошее зеркало, тело стоит во тьме...» («Колыбельная Трескового мыса», ЧР), «...твои черты, как безумное зеркало, повторяя...» («Ниоткуда с любовью надцатого мартабря...», ЧР), «Мы не умрем, когда час придет! / Но посредством ногтя / с амальгамы нас соскребет / какое-нибудь дитя» («Полдень в комнате», У). Есть и другие вариации этого мотива.

23 Из стихотворения Бенедикта Лившица «Дни творения» (1914).

24 СИБ-2. Т. V. С. 323.

Блок, останавливался, приезжая из Москвы, Андрей Белый. В 1919 году в этом доме помещалась литературная студия при издательстве «Всемирная литература» под руководством К. И. Чуковского, где читали лекции Н. С. Гумилев и Е. И. Замятин, а среди слушателей были молодые поэты-акмеисты и писатели, называвшие себя «серапионовыми братьями». В 1920 году студию сменил клуб «Дом поэтов» под председательством сначала Блока, а потом Гумилева. Здесь 21 октября 1920 года читал новые стихи Мандельштам, о чем есть заинтересованная запись в дневнике Блока. Здесь же собирался и знаменитый гумилевский Цех поэтов²⁵. Это непустовавшее «свято место» было некогда отмечено Достоевским: «Генерал Епанчин жил в собственном своем доме, несколько в стороне от Литейной, в сторону Спаса Преображения...» Там, где вскоре вырастет дом Мурузи, разворачиваются важные события романа «Идиот». Как писал поэт-символист В. А. Пяст, тоже одно время живший в доме Мурузи:

Домов обтесанный гранит
Людских преданий не хранит.
Но в нем *иные* существа
Свои оставили слова.

Бродский не придавал слишком большого значения совпадению своего места жительства с местом, столь памятным в истории русской литературы. Факты и даты из истории своего дома он знал неточно. Полагал, что в доме Мурузи снимал квартиру Блок. Он неоднократно бывал там, у Мережковских, а после революции – в студии и клубе поэтов, но не жил. «И как раз с балкона наших полутора комнат, изогнувшись гусеницей, Зинка выкрикивала оскорбления революционным матросам»²⁶. Картина выразительная, но такого быть не могло: Мережковские съехали до революции, в 1913 году, да и жили они в другой части дома.

Дотошным знатоком петербургской истории Бродский не был, но город был для него населен призраками петербургской литературы.

...я снова вижу в Петербурге
фигуру вечную твою²⁷.

Это обращение к главному герою петербургского мифа, пушкинскому Евгению, в юношеской поэме «Петербургский роман». Стихи в поэме еще неумелые, многие сравнения, метафоры, эпитеты вычурны и невняты, и приходится догадываться, что хочет сказать двадцатилетний поэт трехэтажными родительскими падежами:

Река и улица вдохнули
любовь в потертые дома,
в тома дневной литературы
догадок вечного ума, —

и в следующей строфе, озадачивающей отсутствием глагола:

Гоним, но все-таки не изгнан,

25 Сведения по истории дома Мурузи приводятся в брошюре К. З. Куферштейна, К. М. Борисова, О. Е. Рубинчик «Улица Пестеля. Пантелеймоновская» (Л.: Товарищество «Свеча», 1991).

26 СИБ-2. Т. V. С. 319.

27 «Петербургский роман». Гл. 27 (СИБ-2. Т. I. С. 65).

один – сквозь тарахтящий век
вдоль водостоков и карнизов
живой и мертвый человек²⁸.

Очевидно, он хочет выразить восторг по поводу открытия: писатель давно умер, а его персонаж, гонимый бедный Евгений, в нашем воображении жив. Для любящего этот город, петербургские дома и тома петербургской литературы – одно. Друг без друга они лишены смысла. Только через два года Бродский прочтет по-настоящему сильные стихи на ту же тему – «Петербургские строфы» Мандельштама. К тому времени он и сам будет уже куда свободнее владеть стихом.

Бродский сравнительно поздно заинтересовался поэзией. Он начал сочинять лет в семнадцать. Ему было уже за двадцать, когда в его стихах стали проявляться признаки оригинальности, но после этого мастерство он набирал очень быстро. «Шествие», длинная поэма («мистерия»), написанная через несколько месяцев после «Петербургского романа» и тоже полная еще непроясненных юношеских волнений, представляет ту же тему значительно отчетливее – по осенним ленинградским улицам бредут князь Мышкин из Достоевского, Арлекин и Коломбина из Блока, Крысолов, скорее из Александра Грина, чем из Цветаевой.

К тому времени эти вечные персонажи уже лет тридцать как были изгнаны из круга дозволенного чтения вместе с лирическими мотивами и философскими темами петербургской литературы от Достоевского до Серебряного века: город как лабиринт, в котором заблудился потерявший Бога человек; призрачность города; город как воплощение мирового зла. Разрыв с петербургской традицией случился, как известно, не столько в результате литературной эволюции, сколько из-за того, что литературная эволюция была прервана революцией и полицейскими мерами большевистского режима. Свободное развитие высокой культуры в России было полностью прекращено в середине двадцатых годов, и первое послесталинское поколение воспринимало предшествующие тридцать лет как зияющий провал в отечественной истории, отчего естественно стремилось восстановить связь времен. Молодой Бродский делал это, скорее всего, интуитивно. Подлинное значение того, что он делал, было очевиднее со стороны, людям старшего поколения. Ахматова читала «Петербургский роман» «внимательно и долго, неоднократно возвращаясь к уже прочитанным страницам»²⁹. В Париже литературный критик В. В. Вейдле завершил большой очерк «Петербургская поэтика», посвященный Гумилеву и другим поэтам Серебряного века, неожиданным пассажем о Бродском: «Я знаю: он родился в сороковом году; он помнить не может. И все-таки, читая его, я каждый раз думаю: нет, он помнит, он сквозь мглу смертей и рождений помнит Петербург двадцать первого года, тысяча девятьсот двадцать первого лета Господня, тот Петербург, где мы Блока хоронили, где Гумилева не могли похоронить»³⁰.